

нарий, руководившийся тою же международною группой ученых и поставивший своей задачей систематический анализ «Слова» и родственных ему памятников. Деятельность этого семинария была затем продолжена в Колумбийском, а с 1949 г. в Гарвардском университете.

Предварительные данные о работе нью-йоркского содружества появились в печати с 1943 г. (см. I, IV, V), а подробные результаты разысканий, которые первоначально предполагалось включить в один объемистый том, легли в основу трех самостоятельных публикаций (VIII, XI и XIX), изданных с 1948 по 1951 г. и составивших в общей сложности свыше семисот страниц. Оставалось резюмировать дискуссию, отметить ее важнейшие достижения и наметить очередные задачи (см. XXI).

Послесловие к первому тому американской трилогии воспроизвело (VIII, стр. 362) всецело совпавший с ее программой призыв А. С. Орлова, которым покойный академик заключил свое последнее издание «Слова»: «Нам, русским ученым, придется сработать с зарубежными силами, чтобы путем взаимной помощи достигнуть объективной истины... Надо безотлагательно привести в ясность и рассмотреть полную наличность данных самого памятника — прежде всего со стороны языка, в самом широком смысле... Тогда вся шелуха и корки вроде модернизмов, галлицизмов, романтизмов, романсов, песенников и т. п. ссыпятся сами собой как ничем не оправданная выдумка и кончится беспринципная, дилетантская игра».<sup>6</sup>

Основной задачей нашей коллективной работы над памятником была подготовка его критического издания, отвечающего современным познаниям в различных отраслях славянской филологии и методологическим требованиям герменевтики. Последний опыт языковедческой работы над изданием «Слова», труд Потебни, был семьюдесятью годами старше изданной Институтом книги, и надо прибавить: не в филологической интерпретации была сила знаменитого лингвиста. Многие из конъектур и толкований, накопившихся за полтораста лет занятий «Словом», продолжали повторяться по привычке, но не выдерживали научной критики и требовали пересмотра. Два различных этапа в истории памятника оставались недостаточно четко размежеванными: мусин-пушкинский список XVI столетия и оригинал конца XII в. Например, в мусин-пушкинском рукописи не должно удивлять хорошо знакомое памятникам XVI в. новообразование «хоти», которому в оригинале XII в. должна была соответствовать первоначальная форма союза «хотя» или «хотя и»; таким образом стих 210 не требует никаких гадательных поправок. Критика текста должна по возможности различать уклонения от оригинала, принадлежащие либо псковскому писцу XVI в., либо его предшественникам, и, с другой стороны, ошибки редакторов конца XVIII столетия в чтении рукописи XVI в.

Подробное и систематическое сличение издания 1800 г. (П) с Екатерининской копией 1796 г. (К) позволяет вскрыть невольные подновления старинного правописания копиистами и редакторами Екатерининской эпохи. Рукопись была написана довольно ясным почерком, но «разобрать ее было весьма трудно»: в ней не было ни знаков препинания, «ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления, так что приходилось наобум расчленять непонятную речь на фразы и слова и лишь потом добираться до смысла». Значительные расхождения в разбивке текста между К и П подтверждает показание А. И. Мусина-Пушкина. За вычетом невольных подновлений орфографии, нескольких неточно раскрытых титл и надстрочных написаний и, наконец, единичных промахов, буквы в обеих копиях памятника прочитаны

<sup>6</sup> А. С. Орлов Слово о полку Игореве. Л., 1946, стр. 212 и сл.